

шло второе,
ание книги
С любовью»

27

СЛОЙ

Юрий
ЩЕКОЧИХИН

документальная проза
воспоминания

● В провинции появилась «другая документалистика» Ее интересуют не желтые «тайны прошлого», а «герои нашего времени»..... 29

● До съедания, мальчики? Футболистов юношеской сборной России привлекают к участию в рекламе..... 30—31

Проповедь,
прочитанная
на сочинском
пляже нынешним
летом

Петр
МАМОНОВ:

Тьма — это отсутствие света, или Как не пробежать мимо себя

— **В**едь как все нынче извращено. Вот критики тут недавно фильм «Остров» Павла Лунгина разбирали, о церкви говорили как о чем-то ветхожигитийном, типа «Илья Муромец». Как жить дальше, если ни во что не веришь? Будешь пихаться налево-направо. А если вера есть, как не хочется сесть, все уступишь старухе место. Вот тебе и все христианство. Посуду помой вне очереди. Христианский поступок? Христианский. Ведро вынеси. Ну не настаивай на своем. Не ори: «Не разогрето!». Потерпи минуты две. Она, бедная, сейчас разогреет. Тоже устала. Ее по-своему мутит-крутит. Что ты все «жена должна», «муж должен». Любовь — это не сю-сю, му-сю. Не Асадов. Это тяготи друг друга нести.

Лежит человек рожей в снег. Почему думаем, что пьяный, может, у него сердце? А если и пьяный. Посади его на парапет, чтоб не замерз. Бежим мимо. Мимо себя. Сделаешь что-то такое... Лежишь вечером и думаешь: «Чо тебе так хорошо? Чо тебя тащит так? Вроде и не пил. Почему комфортно на душе? А... Сегодня бабке сумку помог — три ступеньки...». Он же нам сторицей...

Мне здесь одна девушка говорит: «Не люблю своих родителей». Обожди. А ты им помогаешь? В магазин ходишь? «Да, — отвечает, — все, что нужно, делаю». Значит, любишь, а что там в чувствах копать. Плешь ты на это. Нельзя по чувствам жить. Сегодня — солнышко. Завтра — дождичек пошел. Упал, ногу сломал — тре-

тье чувство. Жить надо по закону: не «Дай», а «На». Как это так, недоумевают, снимут верхнюю одежду — отдай и рубашку? Привыкли жить навыворот. У нас на голове, если пошупать, образовалось плоское местечко, на котором удобно стоять. Так и живем — вверх ногами. Все, что Богу угодно, презираем. Сильный помоги слабому. У нас — задави. Богатый — отдай. У нас — хапани, да охрану поставь, чтоб не украли.

У нас извращенный взгляд на христианство. А это просто. Сколько крови можешь отдать за другого. Потому что написано: «Что сделал одному из малых сих, то ты сделал мне». Сколько можешь у постели матери просидеть, которая одурела от старости и болезней. Вот где приходится умирать каждый день. Как в Чечне ребяташки стоят. Чеку выдернул один придурок, сейчас — взрыв, подполковник, не думая, бросается. Его в куски. Восемь человек живы. Коммунист, некрещеный, никогда в церковь не ходил, о Боге вообще не думал, но он христианин. В рай — ракетой.

А то в храм пришел, поклоны бьет, свечек поставил. А сердце — пусто. Христианский поступок? Мимо. Хоть обмолись весь, объезди все Афоны, облобызай моши. Ничего не будет. Смотришь на нищего: «А... это все обманщики. По телевизору показывали эту мафию». Да дай ему 50 копеек. Что у тебя убудет? Ошибись в эту сторону. Что ты веришь ящику? Настоящая мафия — кто у джойстика этого сидит, пять человек — манипулируют всеми нами. Шиш им с маслом. Не выйдет.

Я 11 лет в провинции живу. Так же народ трудится. Так же встает до зари. Так же девушка в троллейбусе в 30-градусный мороз — попробуйте-ка десять часов: «Ваши билетки, ваши билетки». За пять тысяч в месяц. Вот я — от этих депутат. Для них работаю. Хотя и трудно, стараюсь по закону жить. Из десяти два раза удастся. Зажать свой рот окаянный, чтоб не выскочило обидное слово. Не отпихнуть человека. Не перебить. Выслушать. Пишут же отцы: надо перед друг другом стоять, как перед древней иконой.

Что значит не осуждать? Не выносить приговора. А мнение иметь мы обязаны. Господь пытался вразумить фарисеев, и гнев его был праведный. Праведный, когда гневаешься на себя. Что опять, дурак, напился вчера. Когда свой грех возненавидишь. Привычку мерзкую, ввешуюся в тебя. Никак не можешь с ней справиться. Только возненавидишь ее, начнешь побеждать.

Стараюсь поучаться, хоть лет уже много. Вот у нас автобус из Верей... рейсовый до Москвы. Два часа ходу без остановок. Места все по номерам — не переседаешь. С ужасом смотрю: впереди меня сваливаются два пьяных дембеля. Матерщина, о бабах... Все по полной. Думаю, ну на два часа попал — караул. Потом говорю себе: «Але. Давай-ка это... Подумаем спокойно, внимательно. Кто эти ребята? Выросли в деревне. В то время, когда не было намечающегося сейчас подъема. Что видели? Отец пьет, колотит мать, постоянный мат. Телевизор орет дурацкий. До восемнадцати как-то дотянули. Взяли в армию. Колотили их. Потом они колотили. Вот «новоиспеченные» явились. Чего я от них требую... Я их чему-то научил? В их дом зашел? Книгу прочитал?». Смотрю, а мы уж приехали — не заметил, как.

(Окончание на стр. 26)

св. ка. Борзых (профессор)

Все зависит от нас: как мы слышим. Замылены ли глаза. Забиты ли уши. Затерта ли душа. Обложена ли совесть ватой. Вот чем надо заниматься. Святые учат: спаси себя и хватит с тебя. Сейчас кричат: «Правовое государство», «Закон превыше всего!» Все равно кучка людей все проплатила. Покажут тебя с ребенком. Потом, как ты бабушке даешь пенсию... Так пятьсот раз на день. И выберут именно тебя. Не надо даже никого назначать.

Способ действия? Себя делай. Эту маленькую точку. И на эту маленькую точку светлее станет. А если только указывать: это не так, да пенсии мало, да правительство козльное, да американцы поганые, да бен Ладен, будь неладен. ...Ничего не сдвинется. Только умножится злоба, которой и так хватает. Давайте злобу уменьшать. Об этом мы и хотели снять свое робкое кино «Остров».

Да я согласен с критиками. Фактической путаницы в картине много. Постарался объяснить, почему это произошло. Мы пребывали все в недоумении каком-то, старались из последних сил. Как дети малые, пытались не понять, а зафиксировать. Что происходит с человеком, когда поверил и устремился к Богу, как мой герой... Как тягостен и ответствен грех. Все время забываем, что тьма — отсутствие света. Не имеет

если даже не знаешь, из какого колена не знаешь, что было двенадцать колен Израилевых. Какой я русский? Когда у меня поляки, татары, кого только не было. Язык вбирает культурный слой, традиции. Вот и вся национальность.

Человеческое призвание — быть сынами Божиими. Не рабами, не наемниками, даже не друзьями. Понимаете, шесть лет идет свет от ближайшей звезды. Сейчас видим свет звезд двухтысячного года. Это что, для кошки? Вот наши масштабы. Наши глубины. А мы пытаемся заполнить их в лучшем случае добрым фильмом. Общением с друзьями. В худшем — водочкой, порнухой. Дух уныния царствует повсеместно. Поэтому гремит музыка, хлещет с экранов кровь, эвересты голых тел. Поэтому «Все и сразу». «Все будет кока-кола». «Уступи соблазну». «Не дай себе засохнуть». «Египет круглый год». Почему толстые дядьки бесконечно на экране строят рожи... Это что, нам диктуют? Нет, мы заказываем эту гадость.

Нам скучно наедине с собой. Попробуй лечь в комнате. Остаться на час. С ужасом обнаружишь, что тебе скучно.

Я ничего не вешаю. Делюсь собственным опытом. Такой же я — слабый, немощный. Такой же всякий. Но у меня появилась алчба. Мне надо позарез, аж в горле пересыхает. Истину. А одно из имен Христа Солнце правды. К

Петр МАМОНОВ:

Тьма — это отсутствие света

сущности. Зла как такового нет. Мы его овеществляем. Своим раздражением. Неуважением друг к другу...

Что такое рай и ад? Отцы учат, что все залито морем-океаном божественной любви. Грешников Бог наказывает бичом любви. Представьте — океан любви, все друг друга любят. Вы за эту жизнь любить не научились. Воткнулись туда — что вам там делать? Вот он ад. Вечные муки. Раз тьма — отсутствие света, мрачная душа, войдя в свет, там исчезнет.

Древние евреи — в первую голову скотоводы, пастухи. Что самое ценное? Стадо. В стаде кто самый любимый, дорогой? Только что родившийся ягненок. Нес его на плечах, спасал от холода, голода, лечил. Именно его требуется принести в жертву. Зачем? Чтобы народ, уже уверовавший в единого Бога, увидел собственными глазами последствие греха. Грех всегда падает на невинного. Едешь пьяный на автомобиле. Сбил человека. Твой грех на невинного пал. Это закон, если внимательно посмотришь. Сильный, телстокожий, нахальный, надменный не пострадает. Пострадает тонкий. Чуткий. Невинный. Вот кто погибает. Как среди кинематографистов в 90-е — Надя Кожушаная, Петр Луцкий.

Как только все это осознал, меня оторопь взяла... Как же я живу? Что ж я творю, подлец поганый. Мой герой в фильме — отшельник — это осознает. Что нет малого греха. Если даже в мелком не можешь справиться, в большом будешь неверен.

Туфта это собачья: государства, границы, национальность. Какая сейчас национальность — вавилонское пленение. «Я чистокровный еврей». Да какой ты чистокровный,

этому солнцу я всеми своими комариными силками стремлюсь. Читаю: «Мы не живем настоящей минутой. Мы даже вот когда сидим за столом, наша мысль — то в огурцах, то в квасе, то в супе. Попробуйте хотя бы минуту в день, когда вы ничего не делаете... обратиться под кожу и жить сейчас. В данную минуту. Это очень трудно. И следствием такого внешнего усилия будет то, что вы ощутите присутствие Бога».

Ощущаю ли я себя актером? Я — Мамонov Петр Николаевич. Себя люблю за то, что в работе всегда по-честному. До конца. Из всех сил на данный момент, all the best. Через пять лет смотришь, думаешь: «Как же я мог такую гадость сыграть?». Но сердце мое спокойно, потому что знаю: на тот момент делал все. Так и кино «Остров». Получилось — нет? Произвел впечатление? Старался помочь окружающим, и себе в том числе.

Когда Господь въезжал в Иерусалим на ослице, бросали цветы, ветви пальмовые и кричали приветствия. Ослица была в полной уверенности, что ей кричат. Так и мы — ослицы, на которых едет Господь. Все мои таланты разночисленные — не моя заслуга. Щедрой рукой сыпнулись... С этим живу. Стараясь не продать. Не проституировать. Не тащиться от своего «я». Понимаю, что я, Петя Мамонov, тут ни при чем. Я пропил, скажем, пятьсот песен, которые людям, может, помогли бы. Втоптал в водку, в грязь. Кичиться этим, что ли? Мол, мы, поэты, и из грязи можем истину вещать. Чепуха. Нам как раз-то и положено, которым дано. Как можно чище, аккуратнее жить. Потому что все так хрупко, незащищено. Вы же видите, как сорняки на грядке так и прут...

● Записала
Лариса МАЛЮКОВА,
обозреватель «Новой»

**Живите в доме,
и не рухнет дом.**

Арсений
ТАРКОВСКИЙ

Вышел пятый выпуск альманаха «Илья». Дата первого итога. И она таинственным образом содержит в себе десятилетие, потому что настоящее явление Ильи произошло с календарным порогом его совершеннолетия — в 1996 году. В 16 лет! Мы об эту пору еще дети — с задатками или без. А поэты — уже поэты в полной ответственности перед словом. Вспомним ли мы Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина, Бродского, Тюркина?.. Именно в таком ряду и вспомним, не страшась охранительных окриков бухгалтеров величия, которые огораживают классику золотой цепью с предупреждением «не входить!», «руками не трогать!». А только поэты входят, не спрашивая.

И Илья однажды понял закон рождения поэта, закон наследования, в котором Пушкин — не имя, а право.

Вологодский критик и ученый Сергей Фаустов был остановлен строкой Ильи о нашем светлом беге «к месту сбора, где нет ничего». Какой, правда, страшный пункт назначения! И мы ведь предчувствуем, что оно так и есть, что «нет ничего», но заглушаем вопрос тоготом бега, стуком сердца и шумом крови. Только бы не останавливаться, не спрашивать. Потому и поэтов своих слышим плохо.

Но прозрение Ильи не в этом, не в предупреждении о пустоте цели, а в том, какое определение он находит хаосу нашего бытия и бега — «ласковый хаос». Как если бы сказать об осыпи Вавилонской башни: «ласковая осыпь». Но вслушайтесь. Это нынешнее, как и то — первое Вавилонское — смешение языков и общее неслышание друг друга, это «ничего нет», к чему мы бежим, эти смешение и хаос и посылаются нам для того, чтобы мы наконец увидели их. Не умом, а сердцем увидели строгое, и именно в строгости своей ласковое предупреждение. А как увидим, то ведь всё разом и выстроится, и мы поймем, что для зрячей души осознанный хаос — уже строительный материал Дома и путь возвращения к смыслу. Все боюсь сказать: к Богу (так мы выветрили это слово), хотя Он и есть единственно верный противовес хаосу и есть Космос, Любовь и Дом. «Ласковый хаос» Ильи — это как раз и есть предчувствие прирученной вечности, предчувствие Дома. Словно поэт уже был там, в конце, где «нет ничего», и вот воротился с вестью, что спасение есть и оно в преображении этого хаоса поэзией.

И когда родители Ильи после его смерти создали целое движение и построили его Дом в альманахе и интернете, то они только по-родительски чутко выполнили волю своего мальчика, первыми услышали его завет и встали на пути хаоса, чтобы над пропастью вырос Дом. И он теперь для молодой русской поэзии есть!

Молодые поэты, как и подобает поэтам, — дети своего времени и не обманывают себя, с тревогой спрашивая, «какая нас подстерегает жизнь?» (Марина Акимовна), самим словом «подстерегает» обнаруживая хищную

До
и
кр

О МОЛО

природу дня. (трудность и ч поэтического п

От одиночест
го одиночест
(Ма

Но самим это

Расшевеляват
К одиночеству
В одиночестве
(А

«Быть», Гамле
а «как» и «кем

Уж что-что, если даже и не осознают его, к стать против х общностью до ким своим то ством семьи, их в этом доме

Это только альманах у н лестница, и го для сердца — житие. Или — всегда так вес бы вдруг зам страшной бли говорить еще

И вспыхне Дубнова из М как всё сегод ряющая из ви тится с ней им

И они уже этов! Анна Пае

ВЫБОР, КОТОРЫЙ О

**ПОКУПКА, ПРОДАЖА
ЗДАНИ**

консультации
недвижимо

728-30-35

КОГДА СЛОВ

